

Андрей Столяров

Маленький серый ослик
рассказ

Андрей Столяров

Маленький серый ослик

«Автор»

2026

Столяров А. М.

Маленький серый ослик / А. М. Столяров — «Автор», 2026

За один день - от младшего сотрудника института до главы государства.
Привет из советского времени тем, кто о нем ничего не знает. По слухам,
рассказ смешной.

© Столяров А. М., 2026

© Автор, 2026

Андрей Столяров

Маленький серый ослик

МАЛЕНЬКИЙ СЕРЫЙ ОСЛИК

Первая ушла как в песок, но, к счастью, деньги были. Треху выкинул Рабчик, треху положил сам Манаев, Рамоницкий, слегка покряхтев, добавил два желтых рубля и рубль мелочью, и, наконец, даже переживающий больше всех Федюша, покопавшись в карманах, выудил откуда-то сложенную в восемнадцать раз мятую, обтерханную бумажку.

Вероятно, последнее, что у него было.

- Достаточно, - сказал Бледный Кузя. Из брезентовой клетчатой сумки, поставленной между ног, извлек два отливающих чернью фугаса с кривыми наклейками и, жестом фокусника перекрутив их в воздухе, очень ловко впечатал на середину ящика, застеленного рваной клеенкой. - Оп-ля!.. Кушать подано!..

- Ну, не томи, не томи, - умирая, простонал Федюша.

По землистому, источенному потом лицу его, по полуоткрытому рту, из которого вырывалось мелкое и частое дыхание, было видно, что ему сейчас хуже всех. У него даже глаза запали, а обтянутый кожей нос заострился, как у покойника.

Впрочем, и остальным было не лучше. Рамоницкий усиленно сжимал виски, и они вминались под жесткостью пальцев, как гуттаперчевые. Рабчик, подвернув толстые губы, ощерился, будто голодный медведь, да так и застыл, по-видимому борясь с тошнотой. У самого Манаева катастрофически пересохло горло, а по спекшемуся твердому мозжечку царапал изнутри черепа острый коготь. Режущая боль отдавалась в затылке. Жить не хотелось. Пропала - вторая, и он сразу же откинулся на теплую стенку склада - прикрыв глаза, ощущая на лице горячее солнце. Надо было ждать. Просто ждать. Ждать - и более ничего. Он слышал, как Рабчик, сохранивший, не в пример другим, определенную бодрость, нудновато рассказывает Бледному Кузе о вчерашнем.

- Значит, взяли, как всегда, две и пошли к Николке. Федюша, конечно, сразу же отрубился. Положили его в Николкину ванную, чтоб отдохнул. Появился Налим, притаранил еще полбанки. Потасились по такому случаю к Карапету. На площадке у Карапета Налим упал. И подняться не смог, оставили его у батареи. Карапет в свою очередь выставил одеколон. Раскололи Оглоблю и брательника, который к нему приехал. И Кошмара вдруг тоже выставила фунфурик. А когда вернулись обратно, то оказалось, что Федюша уже плавает на поверхности - весь в одежде, захлебывается и посинел. Кто пустил воду, до сих пор неизвестно. Кое-как вытащили его, тут он и сблевал. Метров, наверное, на пятнадцать, как бутылка шампанского. В общем, нормально посидели, только Налим куда-то пропал, то ли забрали его, то ли умер. Ни хрена с ним не будет, я думаю, обнаружится...

- Обнаружится, - подтвердил Бледный Кузя. И, судя по звуку, потер друг о друга мозолистые ладони. - Ну так что, мужики, до обеда валандаться будем?..

До обеда валандаться никто не собирался. Поэтому расплескали по третьей. И когда Манаев, проглотив пахучую отвратительную бурду, уже ставил баночку из-под майонеза обратно в ящик, то в желудке у него лопнул пузырь: растеклось мучительное тепло и кровь начала толчками перемещаться по телу.

- Хорошо-то как!.. - вдруг блаженным голосом сказал Федюша.

Манаев открыл глаза.

Было действительно хорошо. Яркое июльское солнце заливало дворик, огороженный глухим забором, над забором пестрела тенью и бликами листва тополей, доски, поддерживаю-

щие спину, были нагретые, в вышине белели вспученные облака, чирикала над головой какая-то птица, пахло свежими стружками, заваренным столярным клеем: наверное, Бледный Кузя мастерил перед их приходом что-нибудь несущественное. Главное же - разогнулся коготь, царапавший мозг. Боль ушла. Распрямилась и зазвенела каждая жилочка в теле.

Живу, с облегчением подумал он.

Вероятно, то же самое чувствовали и остальные, потому что зашевелились, задвигались все сразу, устраиваясь поудобнее. Чиркнула спичка о коробок, поплыл, завиваясь, синеватый табачный дым.

- Благодетель ты наш! - с чувством сказал Рабчик. Он влюбленными глазами смотрел на Бледного Кузю. - Благодетель! Спаситель! Что б мы без тебя делали?.. Мужики! Давайте за благодетеля!..

Звякнуло сдвинутое стекло, послышались возгласы: «Молодец, Кузя!.. Выручаешь!.. Продолжай в том же духе!..» Бледный Кузя кивал, расплываясь в улыбке. У него не хватало двух передних зубов. Но сейчас это внешность не портило, а наоборот - делало его роднее и ближе.

Он сказал растроганно:

- Спасибо, мужики! Вот как я считаю, кто я такой? Я - доктор. Человек умирает, человеку плохо. А тут я достал немного и спас ему жизнь. Я - доктор, мужики. Я правильно излагаю?..

- Ур-ра-а-а!.. - завопил очухавшийся Федюша.

Но его тут же заткнули, потому что крик мог привлечь внимание. А Бледный Кузя, дождавшись тишины, с достоинством подвел итог:

- За врачей, мужики! - и всосал стакан мягким фиолетовым ртом, вокруг которого кучерявились три волосинки.

- Ур-ра-а-а!..

Третья бутылка, таким образом, тоже улетела. Но этого как бы никто и не заметил. Народ явно отмяк. Даже хмурый поначалу Рамоницкий, страдавший язвой и поэтому державшийся за живот, слегка расслабился, привалился к доскам сарая и, с шумом дохнув, заговорщически подмигнул Манаеву. Манаев ответил ему тем же. Они еще с прошлого раза симпатизировали друг другу. Или, может быть, Рамоницкий имел что-то в виду. Что-то конкретное, о чем они договаривались. Манаев не помнил. Да и не хотелось вспоминать. Наступал тот самый счастливый час, ради которого они, собственно, и собирались. Час безоблачной радости. Час вдохновения.

Будто тихий ангел пролетел над миром.

Это, по-видимому, ощутили все.

Рабчик неторопливо потянулся и почесал ногтями волосатую грудь.

- Расскажи что-нибудь, Маняша, - расслабленно попросил он.

- А что рассказывать? - поинтересовался Манаев.

- Ну расскажи, как ты в булочную ходил. Кузя тогда отсутствовал, а я еще раз послушаю...

- Хорошая история, - предвкушая, подтвердил Рамоницкий.

И в момент захмелевший Федюша тоже пискнул что-то одобрителное.

- Про булочную, так про булочную, - согласился Манаев.

И он рассказал про булочную.

Суть истории заключалась в следующем. Однажды в воскресенье, в восемь утра, жена послала Манаева за хлебом. Она не боялась его посылать, потому что это было воскресенье и восемь утра. Но когда Манаев выскочил из своей парадной, то его сразу же схватил за руку какой-то мужик и без лишних слов предложил опохмелиться. У мужика была с собой цельная поллитровка. Он, вероятно, маялся. Манаев, конечно, отказываться не стал, они вернулись в парадную, мужик раскупорил эту поллитровку и вытащил из кармана плавленый сырок. А Манаев предупредил его, что - торопится. Дескать, жена послала за хлебом. Надо по-быстрому.

Поэтому мужик наскоро хряпнул пару глотков - занюхал от рукава, зажевал и передал бутылку Манаеву. Здесь начинается самое интересное. Чтобы показать, как он торопится, Манаев лихо крутанул бутылку перед собой - раз, другой - и опрокинул ее в рот. Но, по-видимому, несколько перестарался. Водка в бутылке закрутилась винтом. Даже непонятно, как это получилось. Она закрутилась винтом и ударила прямо в открытое горло. Как из крана. Будто под гигантским давлением. Это - первый раз в жизни, мужики! Миг - и бутылка была опорожнена. Ему даже глотать не пришлось. Правда, Манаев не растерялся. Как ни в чем не бывало он отдал бутылку мужику, вежливо сказал: «Спасибо. Извини, тороплюсь», - и побежал в булочную. А мужик так и остался - с пустой бутылкой в руке. Поглядывая то на нее, то на Манаева. Но и это еще не все. Хлеб Манаев купил благополучно, но когда он поднимался к себе на четвертый этаж, то перед последним пролетом его будто ударило. Будто - рельсой по голове. Все-таки - четыреста грамм, натошак. Он чуть было не отрубился. Кое-как дополз до двери и позвонил. Открыла жена. Представляете, мужики? Воскресенье, восемь утра. Побежал за хлебом, вернулся через пятнадцать минут. И - вдрабадан. Лыка не вяжет.

Манаев закончил историю. Он рассказывал ее не напрягаясь, скорее для разминки, лишь скупой жестикуляцией подчеркивая отдельные фразы. Он по опыту знал, что вступительную историю педалировать не надо. Но эффект все равно был убийственный. Ржали - все. Ржал, выбухивая грудные басы, мощный Рабчик, ржал измученный неурядицами, нервный, зеленоватый Рамоницкий, крест-накрест держась за живот. Бледный Кузя, которого было ничем не пронять, тоже перхал гортанью, будто покашливая. Что же касается Федюши, то тут и говорить было нечего. Федюша просто сверзился с ящика: лежа на земле, дергаясь словно в припадке, тихонечко, как заяц, стонал. Общими усилиями его подняли и водрузили обратно. Но он опять сверзился.

Результат был налицо.

- Про сберкассу, про сберкассу расскажи!.. - заикаясь от смеха, выкрикнул Рамоницкий.
- Про сберкассу и про то, как ты с нашим участковым общался...
- С товарищем Пенкиным? - уточнил Манаев.
- Во-во! Как он тебе потом пять рублей подарил!..

Манаева не нужно было уговаривать. Он рассказал и про сберкассу, где ему пытались заплатить, лишь бы он больше там никогда не появлялся, и про здешнего участкового, товарища Пенкина, который до сих пор обходил Манаева стороной, а если и встречал, то менялся в лице и здоровался первым, а затем, не дожидаясь дальнейших просьб, начал просто рассказывать анекдоты. Анекдотов он знал великое множество, и они всплывали в памяти как бы сами собой. Никаких усилий не требовалось. Особенно сейчас, когда мир был пронизан искрящейся радостью. Главное было - подать. А подать Манаев умел. Образы выскакивали яркие и выразительные. Каждое движение - персонаж. Каждое слово - на своем месте. Интересно, что сам он при этом никогда не смеялся, а лишь как грач вертел головой, с любопытством и удивлением поглядывая на окружающих.

Так было и теперь.

Он смотрел на компанию, бьющуюся в конвульсиях, и когда, по его мнению, конвульсии ослабевали, то немедленно добавлял что-нибудь еще. Хохот вспыхивал с новой силой.

А в заключение он рассказал историю о маленьком сером ослике. Он всегда рассказывал эту историю в заключение. История была совершенно бессмысленная. Просто жил маленький серый ослик и перед этим осликом возникали различные трудности, но когда они перед ним возникали, то ослик немедленно предлагал: «Давайте выпьем, ребята...» Вот, пожалуй, и все. Никакого сюжета. История держалась исключительно на интонации. Но почему-то именно она всегда была гвоздем выступления.

Манаев заколотил этот гвоздь и, поглядывая вокруг себя, вдруг понял, что надо завязывать. Надо завязывать и как можно скорее. Не то чтобы стало хуже, явно хуже – нет, здесь

как раз все было нормально: и народ, отдыхая, лежал вповалку, и июльское утро по-прежнему играло светлыми летними красками, но Манаев чувствовал, что краски уже потускнели, а внутри у него появилась знакомая тяга неудовлетворения. И он хорошо знал, что неудовлетворение это будет возрастать.

Поэтому, выжидая подходящий момент, он очень настойчиво посмотрел на Бледного Кузю. А Бледный Кузя, поймав его взгляд, догадался и отрицательно качнул головой. Значит, он был уже полностью вытряхнутый. Значит, надо было бежать за новой. У Манаева сохранились две трешки. Но он не был уверен насчет остальных. Ну, Федюша - пустой. Потому что Федюша - всегда пустой. Это ясно. Рамоницкий, наверное, тоже на нуле. Откуда деньги у научного сотрудника? Бледный Кузя - хозяин. Отпадает. Он участвует - за глоток. Кое-что мог подкинуть, по-видимому, только Рабчик. У Рабчика деньги водились. Правда, где это видано, чтобы Рабчик поставил другим. Рабчик, как известно, удавится, а не поставит. Рабчик, как известно, и сам не прочь проехаться за чужой счет.

В общем, ситуация была безнадежная.

Манаев даже поскукнел, ощущая, как вползает в сознание серая, томительная безнадежность, прижимая к земле, порождая невыносимую тревогу похмелья, но как раз в этот момент Рамоницкий, проглотив очередной приступ веселья, подобрал под себя длинные нескладные ноги, как-то цыкнул, привлекая внимание, и снова подмигнул ему.

Подмигнул очень ясно и очень значительно.

Сомнений не было.

Манаев сразу же встал.

- Ну, мне пора, - сказал он, голосом перекрывая возражения. - Мысленно с вами, мужики, но на работе тоже надо иногда показываться. Ну - нет, нет! На сегодня, я думаю, достаточно...

И немедленно вслед за ним, как и ожидалось, поднялся Рамоницкий.

- Да, мужики, пора закругляться...

Они пролезли через щель в заборе, где гвозди внизу были предусмотрительно вынуты Бледным Кузей, и очутились в институтском дворике, заваленном ящиками и металлическим ломом.

Рамоницкий тут же согнулся, пронзенный воспоминаниями:

- Как там у тебя ослик сказал: «Давайте выпьем, ребята»?.. Ха-ха-ха!.. Не могу... Ну - Манаев... Ну ты - человек уникальный... - Однако через мгновение посерьезнел и добавил уже совсем другим тоном: - Значит так! У Сереги Паранина, это наш начальник лаборатории, сегодня день рождения. Я считаю, что он обязан поставить. Значит так! Ты - ни во что не вмешиваешься. Все переговоры я беру на себя. А твое дело - мычать и поддакивать...

- Ну - идем! - облегченно сказал Манаев.

Настроение у него сразу улучшилось. Появилась надежда и предчувствие невероятной удачи. Должно же ему когда-нибудь повезти. Лечу, с изумлением подумал он. Он и в самом деле как будто летел. Мелькнула мысль о работе и тут же пропала. Потому что какая могла быть сейчас работа? Утро еще. Вся жизнь впереди. Не работать надо, а радоваться.

И Манаев - радовался.

В институтском коридоре, куда они проникли через черный ход, он метнулся навстречу первой же попавшейся лаборантке, которая, брезгливо наморщив нос, осторожно несла перед собой удлиненную тонкую колбу с какой-то синеватой жидкостью.

- Девушка, а что у вас в колбочке - такое интересное?..

И брезгливая мина сменилась приветливостью. Лаборантка охотно остановилась.

- Это раствор купороса.

- А можно понюхать?..

- Да хоть выпить, - ответила лаборантка, вытаскивая пробку.

Манаев, может быть, и выпил бы. А что такого? Лаборантка ему очень понравилась. Но Рамоницкий, точно крючком зацепив его своей рукой под локоть, грубо дернул куда-то в сторону.

- Ну - не гуляй, не гуляй!..

- Так ведь - симпатичная женщина, - сказал Манаев.

- Я тебя прошу: не гуляй!.. - он волок Манаева по коридору и, проскользнув в одну из окрашенных цинковыми белилами дверей с надписью «Лаборатория спектрометрии», изобразил на лице нечто вроде счастливой улыбки. - Здравствуй, Серега! А мы вот решили - тебя поздравить...

Из-за письменного стола, заполняющего собой почти весь кабинет, навстречу им поднялся очень тощий человек в белом халате, и громадные роговые очки съехали ему на нос.

- Здря-а-австуйте...

Рамоницкий прикрыл дверь.

- Познакомься - это Костя Манаев из соседнего института. Я тебе о нем рассказывал. Полностью - наш. Безоговорочно. Ну - давай, давай! Тридцать пять лет, знаешь, это не кот начинал...

Тощий человек был ошеломлен напором.

- А может быть лучше вечером? - растерянно пролепетал он. - Заходите ко мне вечером: «Цинандали», жена шашлычок приготовит...

Он в свою очередь попытался улыбнуться. Хилая это была улыбка. Заискивающая. На халате у него темнело чернильное пятно.

- Так, - зловеще сказал Рамоницкий. - Значит, стал начальником и все друзья побоку? Так. Понятно. Пошли, Константин!..

И он резко повернулся, чтобы уйти.

- Да ладно, ладно, ребята... - жалобно сказал тощий человек. - Ну что вы, в конце концов... Просто меня могут к Баргузину вызвать... А так, раз - день рождения... - Он поправил очки и неуверенно посмотрел на Рамоницкого. - Ты дверь запер?

- Запер, - сказал Рамоницкий.

- А ты проверь...

- Говорю, запер.

Тогда тощий человек, покопавшись немного, открыл узкий сейф, стоящий у него за спиной, и достал оттуда толстую химическую бутылку, наполненную до пробки, три протертых стаканчика с носиками и делениями и, наконец, уже обычную, магазинную бутылку, этикетка которой извещала о том, что в ней - сок, болгарского производства.

Тут же появились бутерброды с колбасой и пупырчатый огурец.

- Но только по пятьдесят грамм, ребята, - сказал тощий человек. - Меня и в самом деле могут вызвать. Не обижайтесь, пожалуйста...

Он разлил спирт по стаканчикам, добавил туда же томатного сока, потекшего будто кровь, а затем длинным скальпелем порезал бутерброды и огурец.

- Ну! - сказал Рамоницкий, поднимая свою посуду. - С новорожденным тебя! Поехали!..

- Поздравляю вас, - вежливо добавил Манаев.

Они звонко чокнулись.

И в эту секунду дверь, разумеется, отворилась и в проеме ее показался широкоплечий высокий мужчина начальственного облика, тоже, как и тощий, в халате, но небрежно расстегнутым, так что виден был добротный, в полоску, костюм с ярко-красным, на запонке, галстуком.

По-видимому, это был директор.

- Ага! - многозначительно сказал он. - И товарищ Рамоницкий присутствует. А я как раз вас ищу...

Тощий человек задрожал так, что из стаканчика у него плеснулось.

- Виноват, Баргузин Степанович. Тут - день рождения... У меня... Тридцать пять лет...
Друзья - заглянули...

На него было больно смотреть.

Директор нахмурился.

- Кстати, насчет дня рождения, - неожиданно сказал Манаев. - Есть такой анекдот. День рождения, значит. Звонок в дверь. Здоровенный, под два метра, амбал. «Драку на шесть человек заказывали?» - «Не-е-ет», - отвечает хозяин. А тот - бум в морду! - «Уплочено!..»

Воцарилась напряженная тишина.

Директор молчал, и все - тоже молчали. Цокнуло стекло - это тощий человек опустил свой стаканчик на полированную поверхность. Было слышно, как у него отчаянно и торопливо колотится сердце по ребрам.

Тишина становилась невыносимой.

Директор кашлянул.

- А вот есть еще такая история, - сказал Манаев...

Рюмки были из богемского хрусталя: низкие, пузатые и очень тяжелые, на свету они отливали голубизной, и тогда внутри хрусталя загорались блестящие крохотные искорки. Директор привез их из Чехословакии, когда ездил туда с научной делегацией. Из такого же тяжелого хрусталя было и блюдо, на котором светились малиновой прокопченностью круглые ломтики сервелата и выкатывала янтарный жир бледно-розовая тугая семга.

А еще у директора откуда-то была свежая зелень и он небрежно, но привлекательно разбросал ее поверх. И постелил на гостевом столике салфетки из крупной цветной соломки.

Объяснил, что любит - когда культурно.

Манаев тоже любил - когда культурно. Поэтому он сразу же слопал половину сервелата, подмел почти всю зелень, хрустевшую на зубах, попробовал семги, а потом без передышки рассказал историю о том, как ему случилось торговать на рынке.

Однажды жена послала его за картошкой. День был опять же воскресный, а по воскресеньям, как известно, не продают, но у входа на рынок Манаев вдруг обнаружил, что как раз сегодня выбросили прямо с лотка. Тридцать третий портвейн. И народу всего - человек двенадцать. Он, разумеется, взял пару штук. На картошку денег уже не оставалось. Так, какая-то разнокалиберная мелочь. Но Манаев все равно пошел на рынок. Там за прилавком стоял парень тамбовского вида. Выяснилось, что денег у Манаева хватает лишь грамм на триста. А ему хотелось бы принести домой полкило. Поэтому он попросил парня немного уступить. Но парень уступать не хотел. Тогда Манаев его очень попросил. Но парень все равно не уступал. Тогда Манаев произнес речь о том, что вот, гады, спекулянты проклятые, обдирают простой народ, выжимают из него последнюю трудовую копейку. Речь имела успех. Вокруг Манаева стали собираться трудящиеся. Но к тамбовскому парню тоже подтянулись трое. Перевес был явно на их стороне. Потому что трудящиеся хоть и одобряли Манаева, но в драку бы за него не полезли. Тогда Манаев предложил за триста грамм - деньгами, а за остальное - стакан. Парень подумал и согласился. Манаев ему налил. А заодно и себе. Бутылка-то все равно открытая. Затем Манаев перелез через прилавок. А когда вторая «ноль семь» кончилась, то парень сказал, что он - сбегает. Манаев хотел дать ему свою мелочь, но парень сказал, что он с друзей денег не берет. Ты лучше пока поторгуй, сказал он. И исчез. По-видимому, надолго. Манаеву стало скучно, и он опять произнес речь. Что вот, мол, тут торгуют - чем ни попадя, отравляют трудящихся, а у него картошка, выращенная без удобрений, без химикатов там всяких, без земли, можно сказать, без солнца - одними, можно сказать, трудовыми мозолями. Не картошка, а чистый витамин. Ее бы надо продавать в аптеках: по рублю за каждые пятьдесят грамм. И прописывать тяжело больным в качестве лекарства. Речь его опять-таки имела успех. К Мана-

еву образовалась солидная очередь. Он немедленно повысил цену - в два с половиной раза. Но брали все равно бойко. Через полчаса практически ничего не осталось. Последнему покупателю Манаев продал мешки, убедив его, что грязь, накопившаяся в них, - целебная. Между тем тамбовского парня почему-то не было. Манаев хотел отдать его деньги соседям по прилавку, но те не взяли. Тогда он перешел ко входу на рынок. Портвейном там торговали по-прежнему. Правда, очередь уже была значительно больше. Манаев на всякий случай отстоял ее и взял еще десять бутылок. А потом он вернулся на рынок, чтобы купить картошки. Но картошка к этому времени уже кончилась. Парень так и не пришел. Рынок закрыли. Манаев вернулся домой, и жена устроила ему скандал, потому что он не купил картошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.